

Продолжение статьи М. Чокаева «Против одной “научной” лжи
(К 14-й годовщине Кокандской автономии)»

Январь 1932 г.¹

Я опять возвращаюсь к своей теме, т.е. к критике того, что писал Зеки бей по поводу Кокандской автономии. Пусть читатели «Яш Туркестан» не думают, что я защищаю идею автономии как программу нашей национальной борьбы. Мысль об автономии для нас является делом, навсегда смешавшимся с историей, вернее, делом мертвым. Воскресить его значит заниматься политическим самоубийством, а также оскорблением памяти лиц, погибших за национальное освобождение. С уличением лжи Зеки бей я хочу быть защитником истины как об автономном правительстве, так и о самой автономии. С момента вступления и выхождения Зеки бей из рядов русской коммунистической партии ложь стала для него одним из методов его политической борьбы. Пусть читатели не думают, что это я выдумываю из своей головы, в этом я прав и это я докажу личным свидетельствованием Зеки бей. В декабре 1924 г. Зеки бей от имени социалистической фракции национально-демократического союза, известного под именем «Туркестанское общество», вручил в письменном виде доклад представителям партии как левым социалистам революционерам, так и социалистической фракции союза социалистов-революционеров, максималистов, собранных тогда в Берлине.

Зеки бей, не считаясь с интеллигенцией, которая стояла на платформе автономности и независимости, выдвигал свою «социалистическую» (??) платформу в следующей плоскости.

Ниже несколько строк списаны мною с русского оригинала, который помещен на 7 странице журнала «Яш Туркестан».

«Туркестанцы являются сыновьями тех отцов, которые раньше, когда шли войной на Китай, не вторгались туда и возвращались обратно, если в Китае в это время происходили междоусобные войны, считая нападение в такое время противоречащим честности рыцаря. Когда они встречали спящего врага, они сначала будили его, чтобы садился на коня и вооружился для сражения. События показали полную негодность такой философии. События оправдали всякую ложь, коварство, лицемерие, провокацию и не только по отношению к врагам».

В действительности мы не будили и не нападали на спящего политического врага, но вместе с тем нам теперь становится необходимым уничтожить всякую клевету, лицемер-

Я возвращаюсь к писанию Закки-бей о Кокандской автономии. Пусть не подумают читатели «Яш Туркестан», что я защищаю идею автономии как программу нашей национальной борьбы. Отнюдь нет. Автономия для нас раз навсегда отошедшая в историю и умершая вещь. Воскрешать ее было бы равносильно политическому самоубийству и оскорблением памяти положивших живот свой в борьбе за национальную независимость Туркестана. Опровергая ложь Закки-бей, я защищаю лишь правду об автономии и об автономном правительстве. И только...

С тех пор как Закки-бей побывал в рядах русской коммунистической партии, ложь стала для него методом политической работы. Не подумайте, читатели, что я выдумываю это. Нет. Приведу доказательство своей правоты. В декабре 1924 года в Берлине Закки-бей от имени социалистической фракции национально-демократического союза «Туркестан Джемиати» (?) представил доклад съехавшимся в Берлин делегатам партии левых социалистов-революционеров и союза с.-р. максималистов. Облив грязью всех туркестанских интеллигентов автономистов и независимцев не социалистов, Закки-бей следующим образом определяет свою новую «социалистическую» политическую мораль:

Туркестанцы являются сыновьями тех отцов, которые раньше, когда шли войной на Китай, не вторгались туда и возвращались обратно, если в Китае в это время происходили междоусобные войны, считая нападение в такое время противоречащим честности рыцаря. Когда они встречали спящего воина, они сначала будили его, чтобы последний садился на коня и вооружился для сражения. События показали полную негодность такой философии. События оправдали всякую ложь, коварство, лицемерие, провокацию и не только по отношению к врагам. (См. орган левых с.-р. и с.-р. максималистов «Знамя борьбы», № 9–10, февраль — март 1925 г., Берлин).

Будем говорить откровенно. «Спящего врага» политического и мы не стали бы «будить», но применять «ложь, коварство, лицемерие, провокацию по отношению к не врагам» — для этого надо потерять всякое понятие о совести... Нет. Туркестанцы, врага вашего, врага национальной свободы нашей родины надо бить, его временный «сон» надо превратить в

ную провокацию и вероломство, направленное против нашей совести и против тех или иных мыслей. Главное, такое острие направляется со стороны того, который будто не является нашим врагом.

Нет, туркестанцы! Надо уничтожить врага, препятствующего нам в национальном освобождении нашей страны, и превратить его временный «сон» в вечный, т.е. в смерть, но также следует встречаться с не врагом мужественно.

Зеки бей свой политический метод и свою политическую психологию в настоящее время начал проводить в отношении нас. Он этот свой метод проводит не только в отношении своих врагов, но и даже против своих друзей. Даже не ограничился его провести в отношении меня, несмотря на то, что он в то время считал меня близким своим другом. Несмотря на то, что он это проводит в силу определенных политических целей и поскольку это относилось к моей личности, то он это хотел замять и, не придавая этому особенного значения, оставил его без всяких последствий. Но в настоящее время Зеки бей свой лживый и провокационный метод начал употреблять в книге, которую он посвятил всему нашему национальному движению.

Зеки бей в своей книге не только клеветает по поводу Кокандской автономии. Но и также грешит в отношении своих ролей, разыгранных им в Башкирии, это мое слово может подтвердить труд² одного из башкирских большевиков некоего Сиата Атнаголова³, каковой я получил когда-то и к которому сам Зеки бей относится с большим доверием.

После такого вступления приступаю к обличению «его лжи и провокации».

Зеки бей пишет, что единственным надежным человеком Кокандского правительства был председатель басмачества Иргеш. Было бы не удивительно найти такое сведение в большевистской пропагандистской литературе, но совершенно недопустимо писать такую ересь в научной книге.

Во-первых, «председатель басмачей Иргеш никогда не был тем единственно надежным человеком и никаким другим. Во-вторых, Зеки бей должен был ясно изложить в двух содержаниях о басмачах: 1) появление басмачей после насильственной ликвидации Кокандской автономии (1 февраля 1918 г.), 2) появление их до этого момента, т.е. до 1 февраля 1918 г. Басмачей 2-й категории, если можно так выразиться, и он вправе назвать их этой кличкой, так как они являются в действительности бандитами и грабителями.

Но басмачи 1-й категории не бандиты и не грабители, а льющие свою кровь и жертвую-

«вечный покой», но в отношении к не врагам надо держаться настоящим рыцарем...

Вот этот свой метод политической работы, эту свою политическую мораль Закки-бей применяет и к нам. Закки-бей однажды уже пробовал употребить этот метод в отношении меня — не то что просто не врага своего, а считавшегося одним из самых близких к нему друзей. Тогда это оставалось между нами, ибо не хотелось придавать публичное значение тому, что касалось лично меня, хотя Закки-бей делал это с определенными политическими намерениями. Теперь метод «лжи и провокации» Закки-бей применяет в отношении целой эпохи в нашем национальном движении и в книге, претендующей на научность. (Говорят даже, Закки-бей думает представить ее в Венский университет для соискания себе докторской степени.) Ложь книги Закки-бея не ограничивается одной только Кокандской автономией. Противоречия истине полны и в описании событий 1916 года и всей революционной эпохи не только в старом Туркестане, но и в Казакстане, и в Татарстане. Совершенно ложно описание Закки-бея своей собственной роли вне Башкирии, и в отношении самой Башкирии самописание Закки-бея нуждается в исправлении по башкирскому большевику Сахату¹³ Атнагулову.

После этих предварительных замечаний перехожу к опровержению «лжи и провокации» Закки-бея.

Закки-бей пишет, что «единственной опорой у Кокандского правительства был главарь басмачей Эргаш». Такое описание возможно и допустимо еще в большевистских брошюрах, но решительно недопустимо в научной книге. Во-первых, «главарь басмачей Эргаш» не был ни «единственной», ни вообще «опорой Кокандского правительства». Во-вторых, Закки-бей — «профессор Стамбульского университета» — должен был разъяснить, что существует два понятия «басмачи»: басмачи до разгрома Кокандской автономии (февраль 1918 года) и «басмачи» после этого периода. Басмачи до февраля 1918 года — это просто бандиты, разбойники. «Басмачи» — после этого периода — это политические повстанцы, борцы против большевистской диктатуры, это те, кто проливал свою кровь, кто жертвовал своей жизнью во имя национального освобождения Туркестана. Это «мужахиды»¹⁴, которым наши национальные враги — большевики приклеили кличку «басмачи» точно так же, как во время войны неприятели называют армию своих противников «бандами». Кровь, пролитая повстанцами во имя национальной идеи, очистила в наших глазах приклеенную к

шие свою жизнь за национальное освобождение Туркестана и борцами против русско-большевистской диктатуры, одним словом, басмачи этого периода были уже не бандитами и не грабителями, а политически восставшими. Это наподобие того, как войска враждующих сторон называли друг друга бандами, так и наших борцов прозвали басмачами. Большевики постарались разукрасить и показать их нам совершенно в другой плоскости, т.е. не как борцов за национальное освобождение, а как бандитов. История в этом отношении видела много таких недоразумений. Даже в одно время в рядах этих басмачей был сам Зеки бей. В действительности он был бы прав, если бы его он включил бы в список первых басмачей. Иргеш в действительности после революции 1917 г. стоял во главе басмачей. После революции он вернулся в Фергану и со стороны Кокандского городского самоуправления был избран главой городской милиции и вместе с тем стал вести усиленную борьбу с басмаческими грабителями, которые занимались разбоем вокруг Коканда. И надо еще добавить, что в то время должность Кокандского городского головы исполнял его партийный товарищ, русский социалист-революционер некий адвокат Гурвич. Иргеш не был главой басмачества в момент образования Кокандского правительства.

После ликвидации Кокандского правительства он выступил в роли главы басмачества 2-го момента, т.е. басмачей, восставших за национальное освобождение.

Даже большевистский историк Гинсбург, которого так ценит Зеки бей, и тот пишет, что причиной басмаческого движения в Фергане была с трудом ликвидированная Кокандская автономия. Значит, как басмачи, так и их глава Иргеш не имели никакого отношения к Кокандскому правительству.

Остается нам совершенно не понятным, когда Зеки бей обсуждает о единственно надежном человеке Кокандского правительства, то про какого Иргеша он говорит, о главе ли басмачей до революции или же о главе тех басмачей (борцов).

Если это касается Иргеша первого периода, то эта наглая клевета, а если же он имеет в виду Иргеша второго периода, то это исторически неправильно.

Большевики, преследуя определенную цель, не делают различие между басмачами первого и второго периода. Их цель — загрязнить наше национальное движение и показать не как политическую борьбу на путях национальной идеи, а как бандитизм. Отсюда видно, что и такую же цель преследовал и Зеки

ним большевиками кличку — «басмачи» от дурного смысла. В истории такие «очищения» бывали... В рядах вот этих «басмачей»-повстанцев бывал и сам Закки-бей. И, конечно, он вправе был бы обидеться, если бы его прозвали басмачи первого, до разгрома Кокандской автономии, периода... В прошлом, далеко до революции 1917 года, Эргаш, действительно, был главарем басмачей. После революции он вернулся в Фергану и был избран Кокандским городским самоуправлением начальником милиции старого города и вел весьма успешно борьбу с орудовавшими в окрестностях Коканда басмачами. Напомню, что городским головой тогда в Коканде состоял товарищ Закки-бея по партии русский с.-р. адвокат Гурвич. В момент образования и существования Кокандского правительства Эргаш не был «главарем басмачей». Эргаш выступил на сцену в роли главара «басмачей»-повстанцев сейчас же после падения Кокандского правительства. Весьма авторитетный для Закки-бея большевистский историк С. Гинсбург свидетельствует, что «начало ферганскому басмачеству положил разгром Кокандской автономии»¹⁵.

О каком Эргаше — об Эргаше — главаре дореволюционных басмачей-разбойников, или об Эргаше — главаре «басмачей»-повстанцев (мужахидов) говорит Закки-бей, как об «единственной опоре Кокандского правительства»? Если об Эргаше первого периода, то это просто клевета. Если же он говорит об Эргаше второго периода, то это историческая неправда.

Большевики валят в одну кучу и басмачей-разбойников и «басмачей»-повстанцев с определенной целью — очернить все наше национальное движение и представить его не как политическую борьбу за определенные национальные идеалы, а как простое разбойничье движение без идейной сущности. Так, по видимому, хочет поступить и Закки-бей. По Закки-бею так и есть, ибо и он пишет, что «у Кокандского правительства не было никакой определенной идеи и программы». Ввиду особой важности этого последнего утверждения Закки-бея, я посвящаю ему последнюю часть настоящей статьи, чтобы внимание читателей «Яш Туркестан» сосредоточилось особо глубоко именно на этой оскорбляющей нас и позорящей самого Закки-бея части его лжи...

Заглядывая в тайники душ членов Кокандского правительства, Закки-бей пишет: «Часть получившей образование в русских школах интеллигенции вступила в это правительство больше из-за неудовольствия большевиками и преданности к правительству Керенского, не-

бей, потому что и он заявляет, что Кокандская автономия не имела определенно установленной цели и программы.

Зеки бей пишет о внутренних переживаниях членов Кокандского правительства как человек больше знающий, чем эти переживающие, и продолжает в следующей плоскости: большинство интеллигенции, получившие свое воспитание в русских школах, не соглашались с большевиками, а имели большое пристрастие к правительству Керенского, чем к национально-автономной. И после этого предложения как бы подтверждает верность своих выдумок и продолжает: «В изданных воспоминаниях Чокай-оглу Мустафа (якобы он заявляет, что после падения правительства Керенского исполнял возложенные на него обязанности) заявляет, что после избрания его в члены правительства не был сторонником идеи объявления автономии. Даже после падения правительства исполнял свои обязанности в качестве представителя последнего, но об этом ничего не мог говорить другим».

Я хочу остановиться по поводу этого аргумента Зеки бея. Но прежде чем начать или же остановиться, вношу следующее предложение. Пусть Зеки бей скажет, когда и где я писал о том, что будто бы я в момент избрания в правительство не был сторонником идеи объявления автономии. Написанное им по этому поводу опять-таки вытекает из его привычки.

В действительности я даже в день избрания в правительство показал себя как не сторонник идеи объявления автономии, это было с моей стороны необходимо, так как в тот момент не было выяснено общее положение Туркестана. Между этими двумя моментами есть большая разница. Зеки бей об этом прекрасно знает, но своим (лживым методом) отходит от истины.

«Даже в день избрания меня в правительство» если бы я не был сторонником идеи объявления автономии, то почему тот конгресс⁴, который созван с целью объявить автономию, выдвинул мою кандидатуру в председатели? И каким же образом я мог бы подписать как решение об автономии, так и объявить ее своими устами? Правительство было образовано спустя два дня после распускания конгресса. А по Зеки бею дело происходит следующим образом. Я, несмотря на то, что находился на должности председателя и подписал решение об объявлении автономии, вместе с тем был противником объявления автономии. Зеки бей эту свою ложь подтверждает такими словами, которых я совершенно не говорил, будучи сторонником того, чтобы в спешном порядке объявить автономию Турке-

жели из-за приверженности к идее автономии». И непосредственно вслед за этим, как бы в доказательство правоты своей выдумки, он продолжает: «Мустафа Чокай-оглы в опубликованных своих воспоминаниях рассказывает, что до самого дня своего избрания в правительство он не был сторонником провозглашения автономии, что и после падения правительства Керенского он пробовал было действовать в качестве представителя этого правительства, но никто не слушал его жалоб»...

Начну с этого «доказательства» Закки-бея. Вопрос: пусть Закки-бей укажет, когда и где именно я писал, что я «до дня своего избрания в члены правительства был противником провозглашения автономии»? Это обычный прием Закки-бея извращать чужие не только мысли, но и напечатанные слова. Действительно, я не был сторонником провозглашения автономии до выяснения общего положения в Туркестане, а не «до дня своего избрания в правительство». Между этими двумя понятиями — громадная разница. Закки-бей эту разницу отлично понимает, но, верный своему методу лжи, нарочито извращает истину. Достаточно привести несколько общеизвестных фактов, чтобы опровергнуть ложь Закки-бея. Если, например, я был противником провозглашения автономии до самого дня моего избрания в правительство, то почему же меня избрали председателем национального конгресса, провозгласившего автономию? Если я был противником провозглашения автономии до самого дня избрания меня в правительство, то как мог я составить и огласить резолюцию о провозглашении автономии?

Избрание правительства состоялось через два дня по окончании работ конгресса. Значит, по Закки-бею выходит, что я и на конгрессе оставался противником провозглашения автономии. И эту чепуху Закки-бей хочет подтвердить своей выдумкой, выдавая ее за нигде и никогда мною не то что ненаписанные, но даже произнесенные слова.

Каково было положение в Туркестане, из-за которого я (и не один я) не был сторонником спешного провозглашения автономии? Закки-бей об этом знает хорошо. Туркестан в то время находился во власти голода. Железные дороги, по которым доставлялся к нам хлеб, находились всецело в руках русской власти и русских рабочих. Во всем Туркестане не было буквально ни одного человека, умеющего владеть винтовкой. Этого еще мало. Не было единства среди самих туркестанцев по самому кардинальному вопросу об отношении к большевистской власти в Ташкенте. <В то время как мы, большинство «получившей образование в русских школах

стана. Это Зеки бею хорошо известно. Кроме того, в это время в Туркестане свирепствовал страшный голод, все железнодорожные магистрали нашей страны находились в руках русских рабочих и солдат. Во всем Туркестане не было ни одного человека, который мог бы пользоваться современной военной техникой. Оставим все эти трудности в сторону.

Даже не было согласованности между туркестанцами в форме управления, которая является самым наиважным для страны. В тот момент, когда большевики играют явно враждебную роль по отношению к правительству, «Ама Джамиет»⁵, глава этого общества некий Шир-Али Лапин обратился к коварным большевикам и предложил образовать совместно с ними коалиционное правительство. По этому поводу Зеки бей мог бы получить в достаточной степени сведения от хорошо известной ему 68 страницы книги большевика Сафарова. Кроме того, нам не было известно настроение наших сородичей туркмен. Против такого положения нельзя было закрывать глаза, т.е. объявлять автономию, так как это было бы равносильно объявлению войны большевикам. И вместе с тем такой поступок можно было бы классифицировать как принятие на себя обязанностей палача по отношению к своему народу.

Так как в то время первым долгом надо было собрать весь Туркестан вокруг известной программы. До проведения в жизнь этой цели надо было хотя бы часть (дехкан) крестьян, рабочих и русских войск привести в нейтральное положение, а нам надо было принять некоторые мероприятия в отношении того, чтобы не перешли на сторону советского правительства. А этого можно было достичь опять-таки действием от имени правительства Керенского. Поэтому я после окончательного перехода правительства в руки большевиков, пользуясь случаем от своего положения, называл себя представителем Временного правительства. Этот мой поступок большевики поняли прекрасно и телеграммой меня пригласили в Ташкент для того, чтобы я принял участие в новообразованном советском правительстве; даже предложили мне занять должность председателя правительства. Но из-за того, что мы хорошо знали цель большевиков от проведения такой политики, то я, естественно, не принял их предложение. Мои политические товарищи мое противостояние нашли вполне разумным.

На 339 странице книги Зеки бея написано, что мы, не преследуя дальнейшие последствия, моментально согласились с большевиками, и отсюда возможно, что рабочие, крестья-

туркестанской интеллигенции» (на которую клеветает Закки Валиди), были решительными противниками новых узурпаторов», организация «Улема Джамиети» через своего представителя Серали Лапина обращалась к ташкентским большевикам с проектом создания коалиционной власти (Закки-бей мог бы справиться об этом даже у большевика Георгия Сафарова. См. 68 стр. книги этого последнего). Сверх того не были известны в точности и настроения туркмен... Идти на немедленное провозглашение автономии при таких вот условиях, т.е. идти на открытое объявление войны советской власти — значило бы взять на себя роль убийцы своего собственного народа. <(У нас, туркестанцев, не было такого могущественного союзника, как оренбургский казачий атаман, русский монархист Дутов, дружбой которого крайне левый социалист Закки-бей дорожил весьма и которому именуя себя одним из создателей национального движения турецких народов Закки-бей доверял больше, чем братьям-татарам.)>

Необходимо было, прежде всего, объединить весь Туркестан вокруг одной единой программы. До наступления же этого момента необходимо было нейтрализовать часть русских солдат, русских рабочих и русских крестьян и удержать их от перехода на сторону советской власти против нас. И этого можно было добиться лишь при условии сохранения преемственности власти свергнутого Временного правительства Керенского. Вот почему я и выступал после захвата власти в Туркестане большевиками от имени правительства Керенского, от которого я состоял одним из комиссаров в Туркестане. Большевики отлично поняли эту нашу «политику» и поспешили вызвать меня по телеграфу в Ташкент и предложить войти в состав совнаркома в качестве, не больше и не меньше, председателя его...

Что при нашем непосредственном столкновении с большевиками даже антибольшевистски настроенные русские солдаты, рабочие и крестьяне непременно перешли бы на сторону большевиков, доказывает эпизодом с казачьими частями, о котором рассказывает сам же Закки-бей (стр. 339 его книги). Эти казачьи части ехали, начиная с Красноводска, всюду свергая советскую власть и открыто заявляя свою симпатию Кокандскому правительству. В Коканде мы вели переговоры с их представителями о скупке у них всего вооружения. И вот достаточно было им услышать из уст большевиков Колесова, Успенского и Тоболина, что в Коканде организовалось антирусское «панисламистское» (?) правительство, как они, забыв свою антисоветскую

не и русские войска, которые стояли против большевиков, в связи с этим перейдут на сторону большевиков. Это все доказывает те казаки, которые возвращались с Кавказского фронта. Они с самого Красноводска начали уничтожать советские правительства, они шли за лозунгами «Да здравствует Туркестанская автономия и его правительство», а большевистские лидеры Кулисов⁶, Успенский и Табулин⁷ выпускали различные провокационные слухи, как-то прозвали это правительство панисламистским и этим хотели отвлечь внимание русского населения Коканда. Население, поверив этим провокационным слухам, наперекор лозунгу «Да здравствует Туркестанская автономия» передало Кокандское правительство в руки большевиков.

Мы, начиная с Октябрьской революции и кончая Кокандским конгрессом, весь этот период времени использовали для изучения общего положения в Туркестане. Даже достигли соглашения с «Обществом Ама»⁸. Данное общество отказалось от той политики, которую оно преследовало до того дня, и условилось с нами, что в момент образования Туркестанской автономии его лидер некий Шир-Али Лапин должен получить руководящую роль в одном из высокопоставленных учреждений вышеупомянутого правительства. Согласно этому условию Шир-Али Лапин был избран председателем Временного Народного собрания Туркестанской автономии⁹. Известие о том, что туркмены будут работать с нами в контакте, т.е. на одном фронте, то об этом мы знали еще за день до открытия, вернее, до объявления Кокандской автономии. Мы даже достигли того, т.е. привлекли часть русских рабочих и крестьянских организаций на свою сторону. Но вместе с тем мы прекрасно знали, что русские рабочие и крестьяне из-за боязни показать нам свою искреннюю симпатию в нашем национальном деле, в этом отношении постараются стать более свирепыми, чем к большевикам. Но для нас это было необходимо. Потому что такое положение могло бы дать нам немного перерыва.

А теперь перехожу к тому, что писал Зеки бей по адресу той интеллигенции, которая получила свое воспитание в русских школах. Якобы большинство ее не соглашалось с большевиками, а имело большое пристрастие к правительству Керенского, чем к национально автономной. Интересно знать, в момент объявления Башкирдистана Зеки бей автономией, соглашался ли он с большевиками, или же объявил ее из-за того, что был врагом большевиков¹⁰ правительства Керенского?

Если он соглашался с большевиками, то

вражду и свои обещания нам, передали все свое вооружение большевикам...

Истекшее от Октябрьского переворота до Кокандского съезда время мы употребили на выяснение положения в Туркестане. Нам удалось уговорить «Джамизти Улема» <и его согласие пойти на общую с нами работу мы получили всего-навсего за 2–3 дня до съезда.> Свое согласие «Джамизти Улема» обусловило предоставлением ему места председателя Временного Народного Совета. Мы согласились, и представитель «Джамизти Улема» Серали Лапин был избран на этот пост. Согласие туркмен пришло накануне открытия съезда. Нам удалось также привлечь на сторону автономии и часть организаций русских рабочих и даже русских крестьян... Мы отлично знали, что эти русские рабочие и русские крестьяне шли к нам не из-за симпатии к нашему национальному делу, а из-за вражды к большевикам. Но для нас в тот момент было важно и это, ибо оно давало нам возможность более спокойно организовать самим...

Перейду к обвинению Закки-бея «части получившей в русских школах интеллигенции, вступившей в правительство (якобы) больше из-за неудовольствия большевиками и преданности к правительству Керенского, нежели из-за приверженности к идее автономии». Идя на провозглашение автономии Башкирии, действовал ли сам Закки-бей из-за «удовольствия» большевиками и «измены» правительству Керенского? Если он был доволен большевиками, то почему же он создавал автономное движение и действовал против них в союзе с оренбургским казачьим атаманом — русским монархистом Дутовым? Если же он сам не был «предан» правительству Керенского, то почему же он ждал падения этого правительства и не провозглашал автономии Башкирии при нем и против него? Я ставлю эти вопросы для того только, чтобы подчеркнуть неосновательность обвинения стамбульского профессора по нашему адресу.

Конечно, мы, туркестанцы, были «недовольны большевиками» и не только «недовольны», а враждебны, ибо в них видели врагов нашего национального дела.

Теперь о «преданности к правительству Керенского». Только из демагогии Закки-бей бросает подобного рода «обвинение» по нашему адресу. Если бы Закки-бей, писавший 24 декабря 1925 г. своему «глубокоуважаемому товарищу Сталину»: «Можете полагаться на меня¹⁶, что я совершенно ясно отличаю науку от политики», на самом деле умел отличить науку от политики и был объективен и честен в отношении нас, то, конечно, он такой

почему он стал в союзе с казачьим атаманом в Оренбурге неким монархистом Дутовым и боролся с ним против большевиков? А если же он враждебно относился к правительству Керенского, то почему же для объявления автономии Башкирдистана он ждал распада правительства Керенского и почему он не объявил эту автономию в момент существования правительства Керенского? Эти вопросы я задаю профессору Стамбульского университета и, кроме того, хочу доказать, что его обвинения не основаны ни на чем.

Вне всякого сомнения, мы, туркестанцы, «недовольные от большевиков» и даже были их врагами. Потому что большевиков в то время мы считали своими врагами, в деле национальной пользы Туркестана.

Теперь несколько слов «о верности к правительству Керенского». Зеки бей такую ересь направляет на нас из-за его демагогии (1925.24.XII): «Глубокоуважаемый товарищ Сталин¹¹, можете полагаться, что я совершенно ясно отличаю науку от политики»¹². Если бы в действительности Зеки бей мог бы отличить науку от политики, то он должен был относиться к нам объективно и если бы он хотел описать эти события, то что правильно, которые имели место в тот период, то, естественно, в такой научной книге не мог бы поместить такую ересь. Так господин «профессор» должен был понять, что дело объявления автономии как Туркестана, так и Башкирдистана не имело никакой связи и не должно было иметь как с верностью, так и враждебностью к правительству Керенского.

Зеки бей прекрасно знает, что мы, туркестанцы, в том числе и он, с первых дней русской революции стали в рядах автономистов и открыто заявили, что мы являемся сторонниками образования русской федеративной республики (это можете найти на 335 странице книги Зеки бей).

Потом мы перестали преследовать эту цель. И заявили себя борцами за независимость. Теперь уже мы не думаем образовать совместно с Россией федеративной республики, а также не ведем беседу о Всероссийском Учредительном собрании. Но в то время, т.е. в 1917 г. мы все, но в особенности Зеки бей, были искренно преданными делу образования с Россией федеративной республики. А правительство, правительство Керенского в отдельности, не имело никакого значения. Потому что такой программой могло бы образоваться какое-нибудь и другое правительство. Политическое значение этого правительства не представляло неограниченную власть в руках главы правительства, а оно

глупости не написал бы в своей «научной книге». Ибо должен же понимать этот «господин профессор», что провозглашение автономии и в Туркестане, и в Башкирии вовсе не означало и не могло означать ни «преданность», ни «измену» правительству Керенского. Автономия и Туркестанская, и Башкирская больше, чем Туркестанская, означала тогда нашу верность идее Российской Демократической Федеративной Республики, идее Всероссийского Учредительного собрания. Да, мы после сошли с этой позиции. Мы ныне самостийники. Ни о Российской федерации, ни о Всероссийском Учредительном собрании сейчас у нас нет речи. Но тогда — в 1917 и 1918 гг. мы все и Закки Валиди-бей больше, чем все подросийские тюркские деятели вместе взятые, были и оставались верными и преданными идее федерации. Правительство Керенского здесь совершенно ни при чем. На его месте могло быть другое российское правительство с той же программой Учредительного собрания, ибо политический смысл «правительства Керенского» заключался не в личности его возглавителя, а в его программе демократической республики и Учредительного собрания. И это Всероссийское Учредительное собрание Закки-бей защищал вместе с оренбургским атаманом Дутовым, и за эту идею отправлял на фронт своих башкир, и тысячи башкирских жизней уложены Закки-беем как раз за то, в чем он теперь, в полном забвении своего недавнего прошлого, бессовестно демагогически обвиняет нас — «часть получившей образование в русских школах интеллигенции».

От политического работника, в особенности от тех, кто претендует на руководящую роль, требуется быть правдивым, честным с самим собою. Это у Закки-бея под сомнением.

И его суждения об «отсутствии у Кокандского правительства какой бы то ни было определенной идеи и программы» особенно ярко подчеркивает¹⁷.

РГВА. Ф. 461-к. Оп. 1. Д. 417. Л. 7-14. Подлинник. Машинопись с исправлениями М. Чокаева.

считало хозяином всего этого Всероссийское Учредительное собрание и преследовало цели образования Российской Демократической Федеративной Республики. Идею о Всероссийском Учредительном собрании Зеки бей и атаман Дутов преследовали больше, чем мы, и для защиты этой идеи Зеки беем было отправлено тысячи башкирцев на внутренние фронты России. На пути защиты идеи Зеки бея погибла тысячная толпа башкирских джигитов, а преследуемая ими когда-то идея стала в его руках орудием по обвинению «интеллигенции, которая получила свое воспитание в русских школах». Политическим деятелям, а в особенности их главарям, прежде чем обвинить кого-нибудь, необходимо взвешивать правильность проявленных ими дел на весах совести.

Приходится сомневаться, что человек вчера возглавлял национальное движение Башкирстана, кроме того, имел тесную связь с лидерами туркестанского национального движения, и этот человек в данный момент занимает кафедру по истории турок в Стамбульском турецком университете, но этих признаков как будто в цели нет. Подтверждением этому может послужить написанное Зеки беем по адресу Кокандского правительства, «что Кокандское правительство не имело определенно установленной программы и идей».

*РГВА. Ф. 461-к. Оп. 1. Д. 420. Л. 21–33.
Подлинник. Рукопись.*

¹ Дата публикации в журнале «Яш Туркестан» (1932. № 26). Текст этой статьи на современном казахском языке см.: *Мустафа Шокай*. Тандамалы. 1-ші том. Алматы, 1998. 230–232 бб.

² Имеется в виду: *Атнагулов С.* Башкирия. М., 1925.

³ Точнее, Атнагулов Салахетдин (1893–1938) — преподаватель, журналист, писатель, председатель Башкирского центрального совета (1917–1918 гг.), член РКП(б) (1919–1935 гг.).

⁴ Имеется в виду 4-й Чрезвычайный общемусульманский краевой съезд в Коканде, который объявил в 12 часов ночи 27 ноября Туркестан территориально автономным в составе Федеративной Демократической Российской Республики.

⁵ Имеется в виду «Общество улемов».

⁶ Точнее, Колесов Ф.И.

⁷ Точнее, Тоболин И.О.

⁸ Точнее, Аман.

⁹ Речь идет о Туркестанском Временном Народном Совете, который был создан на 4-м Чрезвычайном общемусульманском краевом съезде в Коканде, состоявшемся в конце ноября 1917 г.

¹⁰ Слово в рамке.

¹¹ Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879–1953) — в 1917–1922 гг. нарком по делам национальностей РСФСР, в 1919–1922 гг. нарком Госконтроля, Рабоче-крестьянской инспекции РСФСР, в 1922–1953 гг. генеральный секретарь ЦК РКП(б), ВКП(б), КПСС.

¹² Речь идет о письме А.-З. Валидова И.В. Сталину. См. подробнее: *Исхаков С.М.* Ахмед-Закки Валидов: новейшая литература и факты его политической биографии // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 152–153.

¹³ Правильно: Салаху.

¹⁴ Современное написание — моджахеды.

¹⁵ Изложение следующего фрагмента из вышеупомянутой статьи С. Гинзбурга «Басмачество в Фергане» (Очерки революционного движения в Средней Азии... С. 134): «Развившись непосредственно после разгрома "Кокандской автономии", басмачество вначале явилось протестом всех слоев населения Ферганы...»

¹⁶ «на меня» в приводимом выше документе отсутствует.

¹⁷ Далее два слова запечатаны.